

VI

Эскизы

В журналистике и вообще в интеллигентных кругах утверждали, что старая наша Академия художеств не признает ничего, кроме псевдоклассики, и неспособна понять ничего нового.

Мы, ученики по новому уставу, были полны отрицанием стариков и особенно не переносили задаваемых тем; о вредном их влиянии на развитие нашего искусства было написано тогда очень много полемических статей в разных журналах и газетах. Однажды даже сам маститый Бруни выступил в защиту академической системы, так как он не мог переносить нападок журналистов, весьма мало понимающих искусство: «Оставьте нас делать свое дело и займитесь всякий своим».

Но справедливость требует сказать, что все мало-мальски художественное, если оно носило отпечаток новизны и оригинальности, стариками беспристрастно поощрялось и награждалось.

Каждый месяц на экзамене академических эскизов на заданные темы выставлялось около сотни эскизов, при-

чем, разумеется, выдающиеся, по мнению Совета, эскизы награждались и лучшими номерами и даже медалями на третних экзаменах. Эти эскизы по решению Совета отбирались особо и предлагались к более серьезной обработке их авторами. Такие отобранные Советом композиции уносились в инспекторскую, и там авторы через инспекцию получали их с замечаниями Совета.

Но после выхода тринадцати конкурентов отрицание системы задавания тем приняло уже такие размеры и так глубоко проникло в ученические массы, что стали даже появляться карикатуры на самые задания, на почкорных учеников и на самих профессоров. Такие произведения, часто неприличной марки, также уносились в инспекторскую, и авторы выслушивали уже резкие замечания и предостережения от начальства, далеко не поощрительные.

Однажды была задана тема: «Ангел смерти истребляет первенцев египетских». Под влиянием отрицания я задумал передать этот сюжет с сугубой реальностью.

Была, разумеется, изучена обстановка роскошных спален царевичей Египта: кровати их ставились на платформах из нескольких ступеней... И вот я вообразил, как ночью ангел смерти прилетел к юноше-первенцу, спящему, как всегда, нагим, схватил его за горло, уперся коленом в живот жертвы и душит его совершенно реально своими руками.

Мои эскизы не раз уже замечались товарищами, и этот при появлении вызвал большой интерес, но многие повторяли: «Однако за это достанется; эскиз, наверно, снимут и унесут в инспекторскую».

Так и случилось. Целая серия эскизов (штук семь) была снята, и мои в числе их. Надо было идти к инспектору — выслушать объяснение и назидание. Самое боль-

Ангел смерти истребляет первенцев египетских.
Эскиз. 1865 г.

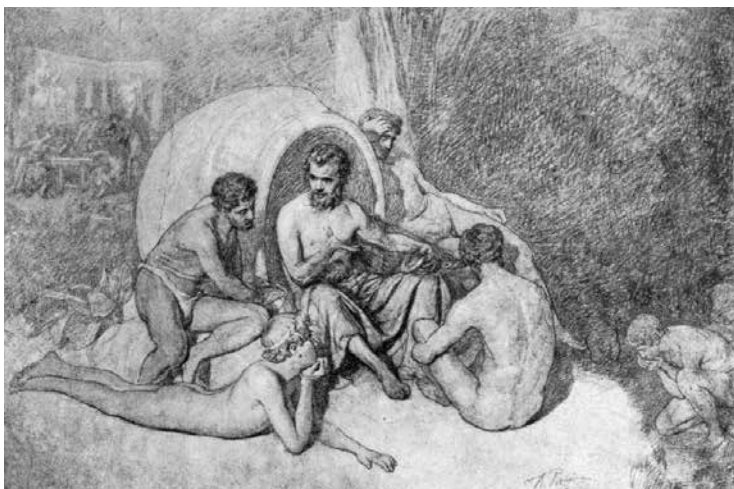
шое наказание для меня было бы, если бы меня перевели в вольнослушатели. Я побаивался даже идти к инспектору и откладывал.

Наконец прихожу. Помощник инспектора Александр Петрович Поляков встретил меня ласково. «Забыл», думаю.

Выкладываю приготовленную фразу вопроса о моем эскизе, снятом с экзамена.

— А разве вы не знали? Совет заинтересовался вашим эскизом, и вам разрешается обработать его на медаль. Вот он. Ну конечно, вы перекомпонуете слишком реально трактованную сцену. Ведь это дух, ангел смерти, зачем же ему так физически напрягать свои мускулы, чтобы задушить, — достаточно простертых рук. Но вы сами обдумайте, вы совершенно свободны трактовать, как хотите, как вам представляется. Я только передаю вам мнение Совета. Совет очень одобрил тон эскиза и общее.

«Общее» тогда ценилось.

Диоген разбивает свою чашу, увидя мальчика, пьющего из ручья
воду руками.
Эскиз. 1867 г.

И я выполнил этот эскиз и получил Малую серебряную медаль (оба эти эскиза сохранились у меня).

В это время я уже показывал Крамскому свои академические работы. Вся артель удивлялась либерализму Академии и ее терпимости. «Впрочем, господа, — сказал при этом кто-то из артельщиков, — Совет кое-что смыслит: правда, тон эскиза хорош». — «Да притом же, — прибавил кто-то, — будем справедливы: оригинальность Академия всегда отличала». — «Вспомните Пескова, даже Чистякова», — прибавил кто-то. «Зато уж не вспоминайте Иванова», — произнес Крамской с глубокой иронией. «А Маркову, — расхохотался Ф. Журавлев, — ведь дали же профессора в долг, — никогда не отдаст: поздно теперь Колizeю Фортунучу».

Вообще с этих пор мне повезло. После экзамена, когда залы были наполнены учениками всей Академии, массы галдели перед работами и перебегали от одной к дру-

гой, я частенько видел целую толпу перед своими эскизами и рисунками. Этюдов с натурщика масляными красками я написал очень мало, всего шесть этюдов. Весь день заниматься в Академии я уже не мог: для существования надо было исполнять кое-какие заказишки, бегать на уроки. Но этюды мои, за исключением первого, бывали всегда удачаivable близких номеров, и я скоро был награжден Малой и Большой серебряными медалями, что давало право выступать на конкурсе.

Один мой этюд сейчас находится у графа И. И. Толстого. По смерти заслуженного натурщика Тараса наследники распродали его художественные сокровища, собиравшиеся им всю жизнь. Мой этюд изображает самого Тараса спиной. И, увидев его еще недавно, я удивился: отчего мой этюд не удостоился быть *оставленным в оригиналы*? Тарасу я уступил его за чистый холст для следующего этюда.